

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ИЛИ ОБВИНЯЕМОГО
НА ВОЗРАЖЕНИЕ ПРОТИВ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
ИЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ****Юлия Владимировна Ендольцева**Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России,
Москва, Россия, sivellinn@gmail.com

Аннотация. В статье дается анализ законопроектов, касающихся вопросов обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования, разработанных в связи с исполнением решений Конституционного Суда Российской Федерации. Высказаны некоторые замечания и соображения по поводу внесения предлагаемых изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, возражение против прекращения, обеспечение прав.

Для цитирования: Ендольцева Ю. В. Обеспечение права подозреваемого или обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 88–96.

Original article

**ENSURING THE RIGHT OF THE SUSPECT OR ACCUSED
TO OBJECT TO THE TERMINATION
OF THE CRIMINAL CASE OR PROSECUTION****Yulia V. Endoltseva**All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia, sivellinn@gmail.com

Abstract. The article provides an analysis of draft laws relating to the right of a suspect or accused to object to the termination of the criminal case or criminal prosecution developed in connection with the execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Some comments and observations have been made on the proposed amendments to the current criminal procedure legislation.

Keywords: termination of the criminal case, termination of criminal proceedings, objection to termination, safeguarding of rights.

For citation: Endoltseva Yu. V. // Ensuring the right of the suspect or accused to object to the termination of the criminal case or prosecution // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No 2 (100). P. 88–96.

В целях реализации назначения уголовного судопроизводства одной из обязанностей должностных лиц, принимающих решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, является надлежащее обеспечение прав и законных интересов участников уголовного производства. В связи с этим одним из важных вопросов,

волнующих обе стороны процесса, является право подозреваемого/обвиняемого на возражение против прекращения уголовного производства, если оно происходит по «не-реабилитирующим» основаниям.

Казалось бы, названные участники должны приветствовать такое решение, но напрашивается вопрос: «Всегда ли подо-

зреваемый или обвиняемый заинтересован именно в прекращении дела?». Логично предположить, что если дело (либо преследование) прекращается по основаниям, влекущим право на реабилитацию, то это, несомненно, так. А что если прекращение производства намечается по так называемым «нереабилитирующим» основаниям?

Отвечая на поставленный вопрос, следует отметить, что прекращение уголовного дела, как и прекращение уголовного преследования, влечет за собой определенные негативные последствия для лица, в отношении которого принимается такое решение [1, с. 4]. Помимо очевидного – невозможности восстановления своего доброго имени, возмещения имущественных лишений, предусмотренных статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) как имущественный вред, причиненный незаконным уголовным преследованием, восстановления иных прав лица (трудовых, пенсионных, жилищных и т. д.) в порядке реабилитации, существуют и другие последствия принятия рассматриваемого решения, которые могут также являться негативными для человека.

С недавнего времени, к примеру, сюда относится взыскание процессуальных издержек с таких лиц (если уголовное дело или уголовное преследование прекраще-

но по основаниям, не дающим им права на реабилитацию). Данные изменения были внесены в часть 1 статьи 132 УПК РФ Федеральным законом от 30 апреля 2021 г. № 111-ФЗ¹ во исполнение постановлений Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П² и 28 апреля 2020 г. № 21-П³ и уже имеют определенную критику среди авторов [2, с. 63–64].

Для надлежащего обеспечения прав и интересов лиц, в отношении которых уголовное дело или уголовное преследование прекращается по «нереабилитирующим» основаниям, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 судам рекомендуется до получения согласия на прекращение уголовного дела разъяснять лицу «юридические последствия принятия судебного решения о прекращении уголовного дела, в том числе возможность конфискации принадлежащего ему имущества, признанного вещественным доказательством и предъявления к нему гражданского иска о возмещении вреда, причиненного преступлением»⁴.

Как писали доктор юридических наук А. Е. Федюнин и кандидат юридических наук Н. М. Перетягко, «отдельного внимания требует и политика усиления правовых гарантий подозреваемого (обвиняемого). В настоящее время необходимой и достаточ-

¹ О внесении изменений в статью 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 111-ФЗ (последняя редакция) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).

² По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Г. Ахмадеевой, С.И. Лысяка и А.Н. Сергеева: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2017 г. № 39-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).

³ По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Музыки: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 апреля 2020 г. № 21-П // Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).

⁴ О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства): Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 16.03.2023).

ной гарантией называют его добровольное согласие» [2, с. 62].

Закрепленная в части 2 статьи 27 УПК РФ возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, не дающим права на реабилитацию, только в том случае, если подозреваемый и обвиняемый против этого не возражают, есть одна из основных гарантий реализации законного интереса подозреваемого и обвиняемого в исходе производства по уголовному делу и тех последствиях, которые могут наступить в связи с принятием того или иного процессуального решения. В связи с этим у подозреваемого и обвиняемого возникает право на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования, а у следователя и дознавателя, в свою очередь, обязанность получения согласия у обвиняемого на принятие такого решения. Причем часть 3 статьи 213 УПК РФ предписывает, что оно должно быть отражено в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Однако в этой норме, в отличие от части 2 статьи 27 УПК РФ, не указан подозреваемый. В связи с чем было бы корректным дополнить часть 3 статьи 213 УПК РФ соответствующим положением.

Обязанность получения согласия на прекращение уголовного дела или уголовного преследования связана, по нашему мнению, с реализацией как принципа презумпции невиновности, так и принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Как указывает доктор юридических наук, профессор А. В. Ендольцева, «несогласие с прекращением уголовного дела или уголовного преследования по «нерабитулирующим» основаниям свидетельствует о том, что данный человек желает реализовать конституционное право на судебную защиту своих прав и свобод посредством рассмо-

трения и разрешения уголовного дела судом и, при наличии к тому оснований, рассчитывает на оправдание» [3, с. 12].

На практике с обеспечением права подозреваемого и обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования возникает ряд проблем. Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел в 2022 году сразу две жалобы о несоответствии норм УК РФ и УПК РФ положениям Конституции Российской Федерации в части прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Одна из них – это жалоба гражданина Новкунского, суть которой заключалась в том, что следователь прекратил в отношении этого гражданина уголовное дело в связи с истечением срока давности по его согласию, однако постановление следователя было отменено руководителем следственного органа. Аналогичные постановления следователя о прекращении того же дела, вынесенные впоследствии, также были отменены тем же должностным лицом. Однако постановление о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности было следователем вынесено вновь, но уже сам Новкунский обжаловал его в суде в порядке статьи 125 УПК РФ. Он был не согласен с прекращением дела по названному основанию, указав, что оговорил себя в совершении преступления в связи с желанием прекратить в отношении себя какие-либо действия со стороны сотрудников следственного комитета и полиции¹. В удовлетворении жалобы судом ему было отказано, как и отказано в удовлетворении жалоб во всех последующих инстанциях.

В итоге в своем постановлении от 19 мая 2022 г. № 20-П Конституционный Суд Российской Федерации принял решение о признании пункта 3 части первой статьи

¹ По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2022 г. № 20-П // Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).

24 и части второй статьи 27 УПК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют следователю без согласия (при наличии возражения) подозреваемого, обвиняемого вынести постановление о прекращении уголовного преследования в связи с истечением срока давности после того, как вынесенное ранее с согласия подозреваемого, обвиняемого постановление о прекращении уголовного преследования по данному основанию было отменено, при том что сам подозреваемый, обвиняемый не инициировал отмену такого постановления либо инициировал, но новое постановление о прекращении уголовного преследования в связи с установлением в результате возобновления производства по делу новых имеющих юридическое значение обстоятельств фактически ухудшало бы его положение по сравнению с отмененными, и указал Федеральному законодателю внести в действующее правовое регулирование надлежащие изменения¹, вытекающие из его постановления.

В связи с этим в марте 2023 года Президентом Российской Федерации подписан законопроект № 232774-8², которым предлагается дополнить статью 27 УПК РФ частью второй с примечанием 1, где будет идти речь о том, что повторное прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности, примирением сторон, назначением судебного штрафа, деятельным раскаянием и возмещением ущерба, после отмены постановления о прекращении уголовного преследования по данным основаниям не допускается, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает.

То есть в данном случае на следователя или дознавателя налагается обязанность получения согласия у подозреваемого и обвиняемого даже при повторном вынесении постановления о прекращении уголовного дела, прекращении уголовного преследования по «нереабилитующим» основаниям.

Думается, выявленный «пробел» законодательства по рассмотренному вопросу можно назвать надуманным, поскольку, как бы это не было грубо сказано, необходимость его устранения возникла только в связи с порочной практикой должностных лиц правоохранительных органов, желающих облегчить себе жизнь своеобразным субъективным толкованием закона, что вполне может быть объяснимо загруженностью и желанием упрощения порядка судопроизводства, зачастую негативно влияющим на надлежащее обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Если обратиться к части 2 статьи 27 УПК РФ, то можно увидеть, что в ней не идет речь о первом или повторном прекращении уголовного преследования. Также как при первом, так и при повторном прекращении уголовного дела или уголовного преследования должностным лицам органов предварительного расследования необходимо руководствоваться главой 29 УПК РФ, где четко сформулировано правило, что в случае прекращения уголовного дела или уголовного преследования только с согласия обвиняемого, необходимо его согласие отображать в постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. При этом логично предположить, что речь идет о каждом постановлении, независимо от его порядковой последовательности.

¹ По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Новкунского: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 мая 2022 г. № 20-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 21.03.2023).

² Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/232774-8> (дата обращения: 26.03.2023).

Однако если практика пошла по самому легкому и, на наш взгляд, противоречащему действующему закону пути, считаем, что предложенное Конституционным Судом Российской Федерации толкование и соответствующее изменение УПК РФ вполне может устранить так называемый законодательный «пробел». Однако неясно, насколько было нужным данное изменение, недостаточно ли было бы отразить это положение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Хотя следует учитывать, что согласно официальной статистике только прокурорами в 2021 году отменено 23 298 постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), в 2020 году – 22 652, в 2019 году – 26 156 и в 2018 году – 26 637 постановлений¹, что более 20 % направленных им для проверки постановлений о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). В связи с этим рассматриваемая проблема действительно имеет место быть, и законодательные предписания следователям и дознавателям вполне уместны.

Еще одну проблему в обеспечении права подозреваемого и обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования Конституционный Суд Российской Федерации выявил при рассмотрении жалобы гражданина Рудникова. По мнению заявителя, которое поддержали судьи Конституционного Суда Российской Федерации, закон позволяет правоохранительным органам после истечения срока давности осуществлять уголовное преследование, если обвиняемый возражал против прекращения уголовного дела по данному основанию, неопределенно долго,

продлевая без ограничений срок предварительного следствия.

Рассмотрев данную ситуацию, суд в своем постановлении от 18 июля 2022 г. № 33-П указал, что часть вторая статьи 27 УПК РФ и пункт «в» части первой статьи 78 УК РФ признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации «в той мере, в какой они – допуская в своей взаимосвязи, что продолжение уголовного преследования после истечения на досудебной стадии уголовного судопроизводства срока давности привлечения к уголовной ответственности, в том числе за тяжкое преступление, в случае, если подозреваемый или обвиняемый возражал в момент истечения этого срока против прекращения уголовного преследования по данному нереабилитирующему основанию, – не гарантируют достижения в разумные сроки определенности правового положения такого лица применительно к подозрению или обвинению в совершении преступления»².

В связи с этим в январе 2023 года в Государственную Думу был внесен законопроект № 285563-8, в котором предложено дополнить статью 27 УПК РФ частью второй с примечанием 1 следующего содержания:

«2.1. Если производство по уголовному делу продолжено в обычном порядке в связи с наличием возражений подозреваемого или обвиняемого против прекращения уголовного преследования в связи с истечением срока давности по основанию, указанному в пункте 3 части первой статьи 24 настоящего Кодекса, и уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию в порядке, установленном настоящим

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации и о показателях преступности в России: официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics> (дата обращения: 26.03.2023).

² По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2022 г. № 33-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» / URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 16.03.2023).

Кодексом, то уголовное преследование подлежит прекращению в связи с непричастностью подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления по основанию, предусмотренному пунктом 1 части первой настоящей статьи, по истечении 2 месяцев производства предварительного расследования с момента истечения сроков давности уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, 3 месяцев – в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, 12 месяцев – в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления»¹.

В марте 2023 года должно состояться рассмотрение данного законопроекта Государственной Думой Российской Федерации в первом чтении. Проведем анализ предлагаемых в данном законопроекте изменений. На первый взгляд, такие положения выглядят неплохо, поскольку целью является обеспечение прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых. С одной стороны, данные положения можно воспринять как дополнительную гарантию реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства. Они могут стать стимулом для ускорения расследования преступлений после истечения сроков давности (если должностные лица расследование необоснованно затягивали), так как для следователей и дознавателей явным минусом будет прекращение уголовного дела по основанию, порождающему право на реабилитацию. Более того, как пишет Н. Н. Гаас, «ни для кого не секрет, что прекращение уголовного дела, будь то реабилитирующее или нереабилитирующее решение, является отрицательным показателем деятельности органов предварительного расследования» [4, с. 108].

С другой стороны, для самих подозреваемых и обвиняемых это новшество гаранти-

рует то, что возможность привлечения их к уголовной ответственности не будет преследовать их «вечно», и если в установленные законом сроки должностные лица не смогут собрать достаточных доказательств их причастности или виновности к совершению преступления, то уголовное дело будет прекращено, и они получают право на реабилитацию в установленном законом порядке. На этом, в принципе, и основан институт давности, который предполагает, что привлечение к уголовной ответственности должно осуществляться в установленные законом сроки.

Однако у нас возникает ряд вопросов. Почему сроки, которые указаны в законопроекте, должны быть именно такими? И почему моментом начала их исчисления является истечение срока давности?

Напомним, что в настоящее время УПК РФ не закрепляет каких-либо предельных сроков допустимого расследования такого уголовного дела. Однако закрепляет сами сроки предварительного расследования как в форме предварительного следствия, указанные в статье 162 УПК РФ, так и в форме дознания (статьи 223 и 226⁶ УПК РФ). И даже, если говорить о том, что окончательный срок предварительного следствия (в отличие от дознания) УПК РФ не установлен, никто не отменял положения статьи 6¹ УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства», которыми запрещается превышать разумные сроки осуществления уголовного процесса.

Более того, в части пятой статьи 162 УПК РФ ясно сказано, что продлить срок предварительного следствия с 3 до 12 месяцев может только руководитель следственного органа по субъекту Российской Федерации и иной приравненный к нему руководитель следственного органа, а свыше 12 месяцев – только в исключительных случаях Председатель Следственного комитета Российской Федерации и иное приравненное к нему должност-

¹ Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/285563-8> (дата обращения: 26.03.2023).

ное лицо соответствующего государственного органа. Подобные правила установлены и для дознания: продлить срок для производства по уголовному делу может лишь прокурор, а установить срок свыше 6 месяцев до 12 месяцев возможно лишь в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи. В связи с этим не нужно забывать, что за сроками предварительного расследования установлен жесткий процессуальный контроль руководителями следственных органов и прокурорами, и за любое нецелесообразное продление сроков должностные лица привлекаются к дисциплинарной ответственности.

Теперь еще раз о сроках, указанных в анализируемом законопроекте. Уголовное преследование прекращается по истечении 2 месяцев по преступлениям небольшой тяжести, 3 месяцев – средней тяжести, 12 месяцев – тяжким или особо тяжким преступлениям. Уточним еще раз вопросы. Почему именно такие сроки? Как они соотносятся со сроками предварительного расследования?

Общий срок предварительного следствия для преступлений любых категорий обозначен до 2-х месяцев, продлить его можно до 3-х, а потом до 12-ти месяцев по особо сложным делам, а свыше 12-ти в исключительных случаях. В дознании итого меньше – до 30 суток, еще на 30 суток (это, кстати, может быть меньше чем 2 месяца), до 6-ти месяцев, до 12-ти месяцев (как уже было сказано, в исключительных случаях, связанных с исполнением запроса о правовой помощи). Нам неясно, зачем принимать «ограничители» для определенных уголовных дел, когда общие сроки и так установлены, и в определенных случаях они жестче, чем предлагаемые. Может быть, будет достаточно усилить процессуальный контроль и прокурорский надзор за надлежащим качеством расследования, а недобросовестных должностных лиц привлекать к ответственности более строго? Ведь если законом сроки уже были установлены, а должностные лица при отказе подозреваемого и обвиняемого от прекращения уголовного дела

бездействуют в сборе доказательств, имеющих значение для уголовного дела, откладывая такое дело «в сторонку», то тут возникают вопросы не к нормам закона, а к данным должностным лицам. В таких случаях необходимо привлекать их к ответственности.

В законопроекте моментом начала исчисления сроков предложено считать момент истечения сроков давности уголовного преследования. Что понимать под таким моментом? Чем он установлен? Каким процессуальным документом? Более того, момент получения согласия подозреваемого и обвиняемого на прекращение уголовного дела или уголовного преследования или его официального отказа от этого может не совпадать с моментом истечения срока давности. Или авторы законопроекта эти моменты отождествляют? А как сроки, предложенные в законопроекте, будут исчисляться, если первоначальное постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования будет отменено руководителем следственного органа, прокурором или судом? Здесь вопросов больше, чем ответов, и в пояснительной записке к законопроекту этих ответов не наблюдается.

Если буквально толковать действующий закон, то основные действия по прекращению уголовного дела или уголовного преследования по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в том числе в связи с исчислением срока давности, должны выглядеть так:

1. Установив основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования, следователь/дознаватель получает согласие на прекращение производства у подозреваемого или обвиняемого или его отказ.

2. Если получено согласие, то уголовное дело или уголовное преследование подлежит прекращению. Составляется соответствующее постановление, в котором отражается факт получения согласия.

3. Если получен отказ, то дело расследуется по тем правилам (в том числе касаясь сроков), по которым расследование проходило до истечения срока давности. В таком случае:

3.1. Следователь или дознаватель продолжают производить следственные и иные процессуальные действия для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

3.2. Если в установленные законом сроки достаточных доказательств для направления уголовного дела в суд с обвинительным заключением (обвинительным актом или постановлением) собрано не было, то дело или уголовное преследование подлежит прекращению по «реабилитирующему» основанию (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Если совокупность собранных доказательств оценивается следователем/дознавателем как достаточная, то принимается решение о направлении уголовного дела в суд.

3.3. Судья на стадии подготовки к судебному заседанию, получив уголовное дело, по которому истек срок давности, испрашивает согласие обвиняемого на его прекращение. Если оно получено, уголовное дело прекращается, если нет, то судья назначает судебное заседание, рассматривает уголовное дело в общем порядке.

3.4. Суд по результатам оценки исследованных в судебном следствии доказательств может вынести любое итоговое решение. Если суд признает подсудимого виновным, то в соответствии с частью 8 статьи 302 УПК РФ суд выносит обвинительный приговор с освобождением его от наказания.

Как нам представляется, авторы законопроекта в целях исполнения вышеназванного решения Конституционного Суда Российской Федерации своими нововведениями хотят прийти к тому же результату. А если действующие положения закона и так предусматривают возможность достижения того же результата, тогда зачем нововведения вообще нужны? Может быть, не нужно перегружать закон новыми нормами, тем более, когда они предлагаются в достаточно «сыром» виде.

Проблемы в данном случае возникают не из-за недостаточного правового регулирования уголовно-процессуальных правоотношений или пробела в законодательстве, а по причине недобросовестных

действий или бездействия конкретных должностных лиц. А для того, чтобы привести практику к единообразию, устранить коллизии толкования правовых норм, достаточно обозначить эти вопросы в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, на рекомендации которых ориентируются все правоприменители, а также в ведомственных нормативных актах, позволяющих усилить контроль за деятельностью следователей и дознавателей со стороны соответствующих руководителей, а также в приказах Генпрокурора России.

Поскольку ответов на поставленные вопросы пока не имеется, можно прогнозировать определенные проблемы, связанные с реализацией анализируемых выше предложений.

Итак, проблема обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела или уголовного преследования в современный период стоит все еще остро. Конституционный Суд Российской Федерации, делая попытки по приведению действий должностных лиц к надлежащему обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса, обязывает законодателя менять нормативно-правовые акты в соответствии со своей официальной позицией на проблемные вопросы. И, к примеру, как писал Н. А. Богданович в своей научной статье «необходимость совершенствования законодательного отражения обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, неоднократно обсуждалась в научной литературе» [5, с. 55]. Однако, как мы видим, не всегда есть необходимость менять именно нормы права, иногда достаточно изменить отношение правоприменителя к их толкованию. А для этого в определенных случаях достаточно издания подзаконных актов или их дополнения, а также усиления ведомственного и прокурорского влияния на должностных лиц, которым государство и общество даровало право власти и обязанность ее добросовестного осуществления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Виноградова О. Б. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
2. Федюнин А. Е., Перетьяко Н. М. Современные тенденции правовой политики в области реформирования института прекращения уголовного дела // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 59–67.
3. Ендольцева А. В. Обеспечение прав человека при прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 11–17.
4. Гаас Н. Н. Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон в стадии предварительного расследования: эффективность дискреционного подхода // Алтайский юридический вестник. 2021. № 2 (34). С. 107–112.
5. Богданович Н. А. О необходимости совершенствования законодательного отражения материально-правовых обстоятельств прекращения производства по уголовному делу // Право.by. 2020. № 5 (67). С. 55–59.

REFERENCES

1. Vinogradova O. B. Termination of a criminal case on non-rehabilitating grounds: abstract dis. ... cand. legal sciences. M., 2003. (In Russ.)
2. Fedyunin A. E, Peretyatko N. M. Modern trends in legal policy in the field of reform of the institution of criminal termination // Legal policy and legal life. 2022. No 1. P. 59–67. (In Russ.)
3. Endoltseva A. V. Ensuring human rights at termination of criminal case and (or) criminal prosecution // Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No 3. P. 11–17. (In Russ.)
4. Gaas N. N. Termination of the criminal case in connection with the conciliation of the parties in the preliminary investigation stage: effectiveness of the discretionary approach // Altai Legal Gazette. 2021. No 2 (34). P. 107–112. (In Russ.)
5. Bogdanovich N. A. On the need to improve the legislative reflection of the substantive circumstances of the termination of the criminal proceedings // Law.by. 2020. No 5 (67). P. 55–59. (In Russ.)

Информация об авторе:

Ендольцева Ю. В., кандидат юридических наук.

Information about the author:

Endoltseva Yu. V., Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 29.03.2023; одобрена после рецензирования 28.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 29.03.2023; approved after reviewing 28.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.